

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С Ф. МИТТЕРАНОМ
(один на один)

8 июля 1986 года

МИТТЕРАН. Рад продолжить начатый вчера обмен мнениями. Сначала несколько слов о наших французских делах. Нам стало известно, что через несколько дней вроде бы ожидается освобождение из-под стражи сотрудников французской разведки, находящихся в тюремном заключении в Новой Зеландии. А в остальном все идет своим чередом.

Мне также доложили, какое большое внимание советские средства массовой информации, в частности телевидение, уделяют нашей встрече.

ГОРБАЧЕВ. Да, я в курсе. Вчера мне телерепортаж посмотреть не удалось, но будет видеомонтаж.

Очень жаркая погода стоит в эти дни в Москве. Должен Вам сказать, что климат России – это постоянно действующий фактор. Собственно говоря, это везде так, но нам приходится быть особенно начеку. Возьмем такой пример, как Украина, одна из самых плодородных частей СССР для земледелия. С 1977 года там постоянно случаются неурожаи. Недобирают до одной трети того, что можно было бы получить в нормальных условиях. А возьмем такие районы, как Сибирь и Казахстан. Там, в сущности, только 100 дней в году пригодны для земледелия. В остальном климатические условия совершенно неблагоприятны. Или еще один такой пример. В этом году, в самый разгар весны в Грузии выпал снег. В районе, расположенном поблизости, – я имею в виду Кубань, Краснодарский край, эту признанную житницу Советского Союза, – пришлось пересеивать многие культуры: ячмень, горох, овощи, свеклу.

Интересные данные сообщили мне однажды из Ставропольского НИИ сельского хозяйства. Оказывается, за сто лет, с 1870 по 1970 годы, в Ставропольском крае наблюдалось 52 засухи. Так что нам постоянно приходится принаравливаться, маневрировать. Например, учитывая наши нынешние потребности, мы могли бы вполне обойтись без того, чтобы

засеивать такие огромные площади. Однако из-за капризов погоды, засухи и заморозков мы вынуждены идти на это, чтобы не рисковать снижением общего производства продуктов.

МИТТЕРАН. Мы, конечно, с такими трудностями не сталкиваемся. С точки зрения климата наша страна, можно сказать, находится в привилегированном положении.

ГОРБАЧЕВ. Свою первую поездку во Францию я совершил в пору, когда на дворе стоял поздний ноябрь. *(10-18 ноября 1976 года М.С. Горбачев находился во Франции по приглашению ЦК Французской компартии во главе делегации секретарей обкомов и горкомов КПСС.)* Помнится, меня тогда поразило: конец ноября, а скот на пастбищах. Нам об этом и мечтать не приходится.

МИТТЕРАН. Вы знаете, после этой беседы я, пожалуй, скажу журналистам, что высшее стремление Горбачева состоит в том, чтобы управлять Солнцем.

ГОРБАЧЕВ. Правильнее сказать – климатом.

МИТТЕРАН. Наше сельское хозяйство развивается по пути рациональных нововведений. Несмотря на сложности, страна производит сельскохозяйственных продуктов в количестве достаточном не только для того, чтобы прокормить свой народ, но и обеспечить крупные валютные поступления за счет экспорта. Есть немало областей, где мы, французы, не достигли таких успехов, как Советский Союз. Но сельское хозяйство – это та область, где у нас большие достижения.

В течение 35 лет я представлял в парламенте один животноводческий район Франции, специализирующийся на производстве мясного скота. Наиболее породистые быки, выращенные в этом районе (я имею в виду породу Шароле), появлялись и в Советском Союзе.

Если бы Вы, господин Горбачев, однажды вернулись в Париж, – а я этого очень желаю, – мы могли бы с Вами совершить поездку по стране, посмотреть во французской провинции не только замки и другие достопримечательности,

но и как организовано сельское хозяйство Франции. Обычно упор делают на показе городов, но было бы хорошо поехать также в провинцию, познакомиться с сельским хозяйством, тем более что Вы, как я это вижу, уделяете немалое внимание этим вопросам.

ГОРБАЧЕВ. Агропромышленные предприятия Советского Союза поддерживают хорошие контакты с агропромышленными предприятиями Франции в плане обмена информацией, технологией, передовым опытом. По французской лицензии был построен завод по производству мицелия для выращивания шампиньонов. Особенно широкое сотрудничество с Францией у нас налажено в области животноводства, производства химических продуктов, оборудования для пищевой промышленности.

Находясь в свое время во Франции, я посетил несколько семей французских фермеров и познакомился, как у них поставлено дело. Это было в районе Тулузы. На меня произвело большое впечатление, какие глубокие корни пустила во Франции кооперация, особенно в сельском хозяйстве.

МИТТЕРАН. Говоря о сельском хозяйстве Франции, нельзя, наверное, не отметить наши успехи в постановке ветеринарного дела. В Лионе, например, находится ветеринарный институт, который часто направляет своих специалистов даже в Африку для помощи по спасению скота от эпидемий.

ГОРБАЧЕВ. По вопросам сельского хозяйства мне часто приходилось встречаться с Ж.-Б. Думенгом. *(Думенг, Жан-Батист – французский бизнесмен и политик, его называли «красным миллиардером» за коммунистические убеждения и деловые сделки со странами Восточного блока.)*

МИТТЕРАН. Действительно, Думенг неоднократно рассказывал мне о Вас еще до того, как Вы стали Генеральным секретарем. Этот человек вышел из бедной среды и всего добился своим умом и своей волей. Знаете – я часто обращаюсь к нему за советом. Правда, порой мне очень трудно его понимать: он говорит на ужасном гасконском диалекте.

Как Вы считаете необходимым построить нашу дальнейшую беседу?

ГОРБАЧЕВ. Сегодня мы могли бы поговорить о европейских делах и в этой связи о Стокгольмской конференции, о предстоящей общеевропейской встрече в Вене. У нас есть соображения и по Стокгольму, и по Вене. Мы могли бы также обсудить, хотя бы в плане сопоставления наших принципиальных позиций, некоторые региональные проблемы. У нас есть соображения по вопросу ближневосточного урегулирования. Интересно было бы послушать и французскую точку зрения. Возможны и другие темы обсуждения, но это будет зависеть от того, хватит ли времени.

Если резюмировать наш вчерашний разговор, то можно сказать, что мы оба обеспокоены состоянием дел в мире и оба убеждены в необходимости поисков новых подходов, чтобы изменить положение к лучшему. В этой связи вставал вопрос о советско-американском диалоге. Подчеркивалось, что от продуктивности этого диалога во многом будет зависеть и дальнейшее развитие международной обстановки. Я говорил, что мы ищем такие подходы, которые позволили бы сообща с американской администрацией выявить общие моменты, предпринять реальные шаги в контроле за разоружением. Если этого не произойдет сейчас, то нам хотелось бы надеяться, что наши усилия станут хотя бы заделом на будущее.

Вы, господин Президент, обратили мое внимание на то, что нужно воспользоваться авторитетом Президента Рейгана и не оставлять попыток найти вместе с ним какие-то договоренности. Наверное, это справедливое замечание. Тем более неизвестно, кто может заменить Рейгана на посту Президента США.

А пока гонка вооружений продолжается и может подвести нас к такой черте, когда вообще будет трудно приступить к настоящим переговорам. Сегодня такие возможности, по нашему мнению, еще существуют.

Что касается Советского Союза, то он будет настойчиво стремиться к достижению компромиссных решений, разумеется, без ущерба для нашей безопасности, а также с учетом естественных интересов США, Западной Европы и других стран. Я проиллюстрировал эту нашу готовность, сообщив

Вам о некоторых важных моментах, составляющих содержание моего недавнего послания Президенту Рейгану. По-видимому, всем нужно действовать более активно, если хотеть добиться изменений в лучшую сторону. А здесь, как мне представляется, наши взгляды с Францией совпадают. Этот призыв тем более своевременен, что сейчас, похоже, наступил момент, когда администрация США формирует свой ответ на последние советские предложения. Кстати говоря, американская администрация сама характеризует эти наши предложения как конструктивные. Если же опять в ответ на наши широкие предложения, направленные на то, чтобы найти реальные решения проблем, интересующих не только СССР и США, но и весь мир, американская администрация не сделает никаких шагов навстречу, то будет исключительно сложно добиться чего-то конкретного в данной области. Отсюда и наша с Вами, господин Президент, общая задача – помогать оказывать позитивное воздействие с тем, чтобы в США не восторжествовали крайне консервативные силы в ближнем окружении Рейгана.

МИТТЕРАН. В беседе с Президентом Рейганом на прошлой неделе я подчеркивал заинтересованность Франции в том, чтобы были созданы надлежащие условия для переговоров. С американской стороны высказывались три рода возражений. Коротко напомним их.

Во-первых, как бы там ни было, США намерены продолжать линию на реализацию СОИ. Во-вторых, Советский Союз отвергает любую реальную форму контроля. В-третьих, в последних предложениях Горбачева они, мол, не видят, как можно было бы добиваться сокращения новых тяжелых стратегических ядерных вооружений. Может быть, американцы имели в виду советскую ракету СС-18. Не знаю, они этого не уточняли.

Со своей стороны, реагируя на эти три возражения, я подчеркивал следующее.

Первое возражение представляется весьма серьезным. Однако, наверное, можно будет поискать соответствующую форму для того, чтобы

провести точное разграничение между стадией исследовательских работ и стадией развертывания.

Второе возражение тоже серьезное, учитывая, что концепции СССР и США в области контроля над вооружениями всегда существенно отличались друг от друга.

Третье возражение менее серьезное, так как если проводить переговоры, всегда имеется возможность обсуждать любые вопросы.

Должен заметить, что вопрос о французских и английских вооружениях в ходе наших бесед в США не возникал. Это, по-видимому, связано с тем обстоятельством, что договоренности на предмет оружия средней дальности являются производной от договоренности о возобновлении переговоров на высшем уровне, чего, насколько я понимаю, пока еще нет.

Я говорил с Рейганом точно так же, как говорю сейчас с Вами. Франция никогда не согласится с тем, чтобы подчинять свои военные планы воле двух самых крупных держав, будь то Советский Союз или США.

Не буду повторять сейчас то, о чем я говорил в беседах с Вами в Париже девять месяцев тому назад. Ограничусь лишь замечанием следующего характера. В настоящее время у нас есть примерно 150 зарядов. После реализации намеченной программы мы будем иметь немногим более 220 зарядов.

Не знаю, правомерно ли называть наше оружие оружием средней дальности. Для нас оно стратегическое.

Судите сами, господин Генеральный секретарь, СССР и США имеют примерно по 10 тысяч боеголовок, а у Франции их всего около 150. Ведь это же совершенно несоизмеримые величины.

Мы вовсе не стремимся иметь 10 тысяч боеголовок, да к тому же у нас нет никакой необходимости в этом. Нам нет надобности создавать оборонную систему такого масштаба, как ваша. Нам не приходится опасаться возникновения каких-то необычайных ситуаций. Мы не думаем, что Советский Союз настроен агрессивно по отношению к Франции. Мы просто-

напросто хотели бы поддерживать наше ядерное вооружение на таком уровне, начиная с которого французская система обороны могла бы восприниматься всерьез.

Честно говоря, в данном вопросе мы испытываем определенную неловкость. Надеюсь, господин Генеральный секретарь, что Вы меня правильно поймете. Не думаю, чтобы вопрос о французских ядерных вооружениях был препятствием для общих переговоров, если бы была достигнута договоренность об их проведении. Но посмотрите, какая возникает ситуация. Советский Союз не требует от нас, чтобы мы разоружались. Более того, Вы не требуете даже того, чтобы мы сокращали наши вооружения. Единственное, чего требует советская сторона, так это замораживания процесса модернизации французских ядерных вооружений, а также включения французских ядерных сил в общий баланс ядерных вооружений средней дальности на стороне Запада. Посмотрите, что могло в этом случае получиться: если бы мы задумали построить новую подводную лодку с атомным оружием на борту (а мы действительно собираемся ввести в строй еще одну такую лодку где-то в 1993-1994 годах), а в это время СССР и США достигают соглашения, ограничивающего общее количество ядерных вооружений, то нам придется спрашивать американцев: можем ли мы построить еще одну подводную лодку – не превысит ли введение в строй этой подводной лодки общего числа, установленного в договоре. Но на это американцы могут нам сказать: знаете, эту подводную лодку будет строить не Франция, а США, т. к. нам, американцам, это необходимо для поддержания равновесия сил с Советским Союзом. Но мы, французы, никоим образом не хотим зависеть от американцев. Отсюда и то сложное положение, в котором мы находимся. С одной стороны, мы не хотим, чтобы вопрос о нашем ядерном потенциале служил помехой, а с другой стороны, мы не хотим ставить наше ядерное вооружение под чужой, пусть даже и дружеский, контроль. Откровенно говоря, пока что я просто не представляю себе, как можно преодолеть это противоречие.

Допустим, СССР и США договорятся о каком-то знном количестве ядерных вооружений с той и другой стороны. Что ж, это было бы великолепно. Однако мы, французы, это соглашение принимать во внимание не будем, поскольку среди подписавших его нашей подписи не будет.

Мы далеки от того, чтобы как-то осложнять положение. Тем не менее, если мы сочтем необходимым добавить к уже имеющемуся французскому арсеналу новое оружие, то пойдем на этот шаг, оставив без внимания соответствующее советско-американское соглашение, если оно будет заключено. Легко представить себе, как нас будут тогда осуждать во всем мире. Не надо быть особо прозорливым, чтобы предугадать, что нас будут выставлять в качестве чуть ли не главных виновников ухудшения международной обстановки. В Советском Союзе скажут: какие невозможные люди эти французы. Те же слова наверняка прозвучат и из уст Рейгана. Вот тут-то Советский Союз и США, хотя бы в этом отношении, будут занимать одинаковые позиции. И это при всем том, что за время, остающееся до конца нынешнего столетия, количество наших боезарядов едва ли превысит 300 единиц.

Конечно, американцы сейчас вроде бы защищают позицию Франции. Это и понятно, ведь по сути дела мы проявляем солидарность по отношению друг к другу и являемся союзниками в рамках НАТО. Но не исключено также и то, что американцы могут изменить свою позицию.

ГОРБАЧЕВ. А по нашим сведениям, Франция как будто бы планирует увеличить количество своих боезарядов до 600 единиц.

МИТТЕРАН. До 2000 года?

ГОРБАЧЕВ. Да.

МИТТЕРАН. Нет, это неверно. Перед отъездом из Москвы я сообщу соответствующие данные, которые не составляют военной тайны. Максимум боеголовок, которые мы хотели бы иметь к этому рубежу, немногим более 400. Что касается близкой перспективы, ближайших лет, то речь идет о 300

боезарядах. Впрочем, как я уже сказал, более точные сведения я Вам представлю до отъезда из Москвы.

ГОРБАЧЕВ. Благодарю Вас, господин Президент. Мы сейчас находимся в такой ситуации, когда хорошее знание друг друга является не недостатком, а, скорее, плюсом.

МИТТЕРАН. Не поймите меня так, что нам доставляет удовольствие заниматься наращиванием нашего арсенала. Это весьма дорогое удовольствие, но мы не можем позволить себе стоять на месте, в то время как другие продолжают увеличивать свои вооружения. Я был бы только рад, если бы все стороны на каком-то этапе остановились. Тогда и наши вооружения могли бы оставаться на одном уровне. Если же другие будут наращивать вооружения, а мы остановимся, то все до сих пор предпринимаемые нами усилия, повторяю, усилия дорогостоящие окажутся совершенно напрасными. Надеюсь, господин Генеральный секретарь, что Вы теперь будете яснее представлять, в чем состоит для нас сложность нынешнего положения.

Наверное, я не раскрою Вам больших натовских секретов, если скажу, что американцы лелеют мечту о более мощных вооруженных силах и обычных вооружениях Франции в Европе, по крайней мере таких же, как у западных немцев. Американцы также очень хотели бы, чтобы французские войска были переданы в распоряжение объединенного командования НАТО, а по сути дела – командования США на границе между двумя Германиями, а также между ФРГ и Чехословакией. Честно говоря, я не вижу большого смысла в том, чтобы 1-я французская армия находилась в 50-ти километрах от чехословацкой границы. Когда вспоминаешь о том, что от чехословацкой границы до Рейна на самолете можно долететь всего за 20 минут, становится понятным, что обсуждение всех этих вопросов вряд ли можно считать важным делом.

Как бы там ни было, Франция не будет участвовать в объединенном военном командовании НАТО. Известно, что в планах оппозиции, ставшей большинством после парламентских выборов во Франции, содержалось требование о более тесном подключении французских вооруженных сил к

натовской системе под объединенным военным командованием. Должен Вам заметить, что сразу же после формирования нового правительства я заявил Ж. Шираку (*Ширак, Жак – с марта 1986 года по май 1988 года Премьер-министр Франции*), что об этом не может быть и речи. Кстати говоря, сам Ширак не очень-то настаивал на этом требовании. Во всяком случае, для меня с ним это больше не проблема.

Итак, подытожим эту часть нашей беседы. Мы с Вами обсудили аргументы, которые выдвигаются американцами.

Мы также обсудили вопросы СОИ и контроля за тяжелыми стратегическими вооружениями. Я очень пространно остановился на отношении Франции к идее замораживания модернизации французского ядерного арсенала. Считаю нужным еще раз подчеркнуть, что Франция заинтересована в преодолении возникшего противоречия, о котором я Вам подробно говорил. Однако нам пока не ясно, как можно было бы наилучшим образом это сделать.

Мы также обсудили вопрос – действительно ли СССР и США готовы к ведению переговоров. Я внимательно выслушал все, что Вы мне сказали на этот счет. Уверен, что Советский Союз твердо намерен вести переговоры. Я также выслушал американскую сторону. У меня сложилось впечатление, что госдепартамент США стоит за переговоры. В то же время не могу с уверенностью говорить о том, что Президент Рейган уже принял определенное решение о ведении переговоров на разумных условиях. Если выражаться точнее, Рейган, наверное, желает переговоров, но он пока еще не выбрал между теми двумя тезисами, о которых мы вчера говорили. Разумеется, когда я говорю о переговорах, я имею в виду подлинные переговоры, а не просто встречу, которая, возможно, удовлетворила бы американских военных, но была бы в сущности пустой по своему содержанию. Представляется целесообразным продолжать оказывать воздействие на Рейгана с тем, чтобы добиваться перелома в его настроениях. Рейган располагает для этого

необходимыми качествами. Мне кажется, достаточно тонкого, умного воздействия, чтобы Рейган вступил на путь, ведущий к реальным переговорам.

Некоторые свои концепции Рейган изложил в личном послании ко мне. В недавней беседе я указал ему на опасный характер намерения предать забвению ОСВ-2. Я также указал Рейгану, сколь опасными являются попытки поставить под вопрос Договор по ПРО.

Считаю, что советское предложение о невыходе в течение, по крайней мере 15-20 лет, из Договора по ПРО является хорошим предложением.

При обсуждении вопросов ОСВ-2 и ПРО Рейган использовал те же самые аргументы, что и в отношении СОИ и многих других проблем. Иными словами, Рейган настойчиво утверждал, что эти соглашения не выполняются самим Советским Союзом. На это я ему заметил: для чего же тогда служат советские и американские эксперты. Пусть они встретятся, предметно поговорят и всё поставят на свои места. Это тем более необходимо, что нельзя всерьез рассчитывать на переговоры, основой для которых служили бы взаимные подозрения.

ГОРБАЧЕВ. То, о чем Вы рассказали, господин Президент, представляется весьма важным. Перед тем, как в свою очередь взять слово, хотел бы задать Вам один вопрос. Скажите: действительно ли Западная Европа заинтересована в том, чтобы в европейской зоне не было советских и американских ракет средней дальности?

МИТТЕРАН. Лично я отвечаю на этот вопрос утвердительно. Скажу больше: я высказывал свое сожаление уже в 1977-1978 годах, когда эти ракеты только-только начинали разворачиваться в Европе.

Вы, конечно, знаете аргументы американцев. Они подчеркивают мобильный характер ракет СС-20. Отсюда их мнение о том, что неважно, где СС-20 находятся – за Уралом или в европейской части Союза. Дескать, все равно при наличии современных средств доставки они могут быть в считанные минуты переброшены в нужный район. Не могу сказать, чтобы я был согласен с такой постановкой вопроса. Опыт показывает: выдвижение

предварительных условий, как правило, затрудняет поиск конкретных договоренностей. Итак, отвечая на Ваш вопрос, я вполне определенно заявляю: было бы хорошо, если бы в Европе не было ракет средней дальности СССР и США.

Помнится, что в свое время на все эти вопросы наложилось известное предложение Андропова, который оговаривал за Советским Союзом право иметь по ракетам СС-20 эквивалент, соответствующий английским и французским вооружениям.

ГОРБАЧЕВ. Да, я понимаю, о чем Вы говорите.

МИТТЕРАН. СССР склонен относить французский арсенал к оружию средней дальности. Но для нас, французов, это оружие, как я уже говорил, является стратегическим. По сути дела, все наши ракеты размещены на подводных лодках. Есть только 18 наземных ракет. Все остальное оружие установлено на подводных лодках, которые постоянно перемещаются, находясь то в одном, то в другом районе Земного шара.

ГОРБАЧЕВ. Я не случайно задал мой вопрос. Слишком много есть признаков того, что некоторые круги в западноевропейских странах не заинтересованы в ликвидации американских ракет средней дальности на Европейском континенте. Они считают, что это нанесет серьезный удар по безопасности Западной Европы.

Такие рассуждения вызывают у нас разочарование и недоумение. Если они определяют политику западноевропейских государств, то освобождение Европы от оружия средней дальности будет исключительно сложно осуществлять.

МИТТЕРАН. Повторяю: по мнению Франции, ликвидация на взаимной основе советских и американских ракет средней дальности в Европе была бы хорошим делом. Позволю, однако, заметить, что развитие событий сейчас ставит перед нами другую проблему. Вопрос о французских ядерных вооружениях практически отодвинут на второй план. В представлении американцев, мыслящих категориями, охватывающими всю территорию

Советского Союза вплоть до Дальнего Востока, на первый план ныне выходит вопрос о японцах. Действительно, в течение долгого времени стороны обсуждали вопрос о размещении в Западной Европе «Першингов-2» в ответ на развертывание ракет СС-20 в европейской зоне. Однако в последние два года обсуждение проблемы перешло в иную плоскость.

Первое свидетельство на этот счет появилось уже на встрече семи наиболее развитых западных держав в Вильямсбурге в 1983 году. Прямо скажу: тогда нас застигло врасплох неожиданное предложение США о распространении обязательств, взятых государствами – участниками НАТО, на другие географические районы вплоть до Дальнего Востока (конкретно имелась в виду Япония). Иначе говоря, был поставлен вопрос об автоматическом проявлении солидарности государств – участников НАТО в сферах, выходящих за район компетенции Североатлантического союза. Я лично поддерживаю хорошие отношения с японскими руководителями и искренне желаю, чтобы японцам больше никогда не пришлось воевать. В то же время я абсолютно убежден в том, что НАТО – это такой союз, который имеет четкое географическое определение. В силу этого сфера действия НАТО не может включать в себя, например, Ливию или Никарагуа. Таким образом, понятие географической сферы действия НАТО в представлении французской стороны не может распространяться на всю территорию Земного шара. Да к тому же еще предложено все это было без предварительных консультаций, а так, знаете ли, экспромтом, за чаем с пирожным. Именно так было в Вильямсбурге. Я совершенно определенно высказался против таких планов. Признаюсь, что мне было нелегко. В конечном счете по итогам встречи было принято расплывчатое коммюнике. С тех пор я внимательно слежу за тем, чтобы этот вопрос более не возникал в обсуждениях между государствами – участниками Североатлантического союза.

Беседуя на днях с Рейганом в Нью-Йорке, я констатировал, что он продолжает мыслить глобальными масштабами. В сущности, для него не

имеет большого значения различие в том, где находятся ракеты СС-20 – в Сибири или же в Европе. Но для нас это вполне реальное различие.

Повторяю, я друг японцев, но обязательства остаются обязательствами, а союзы – союзами. Если однажды мы создадим какой-то другой союз, вот тогда мы и обсудим эту тему. Но пока этого нет, я буду стоять на своей позиции. Данный вопрос довольно сложный. Внешне мои рассуждения могут показаться довольно упрощенными, эгоистическими и где-то даже неумными. В самом деле, я рассуждаю таким образом: какая дальность СС-20 – 4000, 4300 километров? Хорошо, пусть 4300 километров. Стало быть, если эти ракеты находятся на расстоянии менее 4300 километров от западноевропейских целей, то Париж и Гавр находятся под угрозой. Следовательно, эти ракеты нам, французам, мешают. В то же время, если ракеты СС-20 находятся на удалении, скажем, например, 5000 километров, то они, грубо говоря, нам больше не мешают. Охотно допускаю, что такого рода рассуждения продиктованы соображениями национального характера и, возможно, не учитывают совокупности факторов, вытекающих из международной обстановки в целом. И все-таки я стою на этом мнении.

Поэтому, коль скоро советская позиция предусматривает ликвидацию и того, и другого, я приветствую ее. Надеюсь, что Вы правильно поняли меня.

ГОРБАЧЕВ. Действительно, благодаря этим разъяснениям я составил себе более ясное представление о Вашей философии.

Отвечая на высказанные Вами соображения, хотел бы начать с французского элемента, а затем вернуться к проблеме советско-американских переговоров.

Вы, безусловно, знаете, какой позиции придерживается Советский Союз в отношении французского ядерного потенциала. Хотел бы вновь подчеркнуть, что мы отнюдь не стремимся нанести ущерб политике Франции, интересам ее безопасности, имея в виду в числе прочего то обстоятельство, что речь идет о нашем традиционном партнере, с которым мы стремимся, несмотря ни на что, и в хорошие и в плохие моменты, и в трудные и в легкие

времена развивать сотрудничество, углублять взаимопонимание. Я принимаю к сведению как очень важное заявление Ваши слова о том, что французское государство суверенно решает все вопросы, относящиеся к своим ядерным вооружениям, включая его совершенствование. Я принимаю также во внимание то обстоятельство, что, судя по заявлениям французской стороны, никто другой, за исключением французского Президента, не имеет права распоряжаться французским ядерным потенциалом.

В свою очередь хочу поделиться с Вами некоторыми мыслями о том, какая ситуация может возникнуть при определенных обстоятельствах. Может случиться так, что на советско-американских переговорах по разоружению будут достигнуты соответствующие договоренности. Начнут претворяться в жизнь практические шаги по ликвидации советского и американского ядерного оружия. Как же в таком случае на этом фоне будут выглядеть действия Франции по наращиванию своего ядерного арсенала? Скажу откровенно: нам такая линия Франции была бы не очень понятна. Так что, если действительно что-то реально сдвинется в советско-американском диалоге, то при всем нашем уважении к Франции, мы бы попросили ее руководство определить такой способ действия, который не мешал бы благоприятному развитию обстановки. Иными словами, в случае, **если начнется процесс сокращения советского и американского потенциалов, мы бы просили французскую сторону не наращивать в это же самое время свои вооружения.**

У нас нет никаких задних мыслей, мы стоим на честной и откровенной позиции. Надеемся, что Вы правильно поймете нас. Ведь действительно сложилась бы очень странная ситуация, когда наряду с началом процесса сокращения вооружений СССР и США союзники США по НАТО – Великобритания и Франция – продолжали бы, используя, правда, для этого другие возможности, наращивать свои потенциалы. Естественно, мы не можем этого не учитывать: ведь это был бы фактически обход американцами соглашения через каналы НАТО.

Вы, французы, подчеркиваете, что суверенно решаете все вопросы своих ядерных вооружений. В то же время в отличие от того, что говорят французы, госпожа Тэтчер в письме на имя начальника Объединенного комитета начальников штабов США заявила, что в итоге усилий, предпринятых англичанами по укреплению Североатлантического союза, английские вооружения достигли такого качества и такой мощи, что Советский Союз уже не может не считаться с ними. Когда в 1984 году я находился с визитом в Англии, я напомнил госпоже Тэтчер об этом ее высказывании. Я сказал ей: Вы, госпожа Тэтчер, помнится, выражали надежду, что Советскому Союзу придется учитывать английские ядерные вооружения. Так вот теперь мы удовлетворили ваше желание, учитываем ядерное оружие Великобритании. И тем не менее Вы все равно недовольны. Так где же правда, где же истинная позиция?

В заключение этой части беседы хочу выразить надежду, что Франция будет занимать ответственную позицию, учитывая все те сложности, которые возникают на нынешнем этапе, когда мы активизируем усилия, чтобы положить начало подлинному процессу разоружения.

Сегодняшний разговор дает возможность сторонам вновь продумать все возникающие в этой связи вопросы. Если окажется необходимым, советская и французская стороны могли бы вновь вернуться к обсуждению этой темы.

МИТТЕРАН. Позиция Советского Союза по этому конкретному вопросу представляется мне довольно логичной.

Я уже подчеркивал наше стремление самостоятельно определять, что подходит и что не подходит для обеспечения безопасности Франции. К этому добавлю еще одно замечание. В основе нашей позиции лежит принцип достаточности. Достаточность, в нашем представлении, означает наличие в нашем арсенале некоторого количества оружия совершенно определенного качества, вполне необходимого для того, чтобы обеспечить надлежащую обороноспособность страны и предотвратить какое бы то ни было нападение на Францию. Повторяю, мы не стремимся к тому, чтобы иметь 10.000

боезарядов. В наши планы входит лишь обладание достаточным количеством вооружений. Само понятие того, что следует рассматривать в качестве достаточного уровня вооружений, могло бы быть уточнено. Какое количество вооружений, какого качества – все эти критерии могли бы быть уточнены и конкретизированы.

До тех пор, пока США и Советский Союз вооружаются, мы тоже будем продолжать линию на увеличение вооружений, так как постоянно растет верхний предел арсеналов, а вместе с ним и повышается уровень достаточности.

Если по логике ваших предложений действительно начнется процесс разоружения, если вы будете не только ограничивать, но и сокращать свои вооружения, то и уровень достаточности нашего оружия застынет на определенной отметке.

Что касается количества вооружений, то это всегда нетрудно проверить. Что касается качества оружия, то здесь напрашивается следующий вывод: если качество оружия изменяется, то соответственно с ним изменяется также понятие достаточности.

Если бы вам удалось договориться с американцами о начале процесса ядерного разоружения, то было бы логично ожидать от Франции неувеличения достигнутого уровня достаточности ее ядерных сил сдерживания. Одним словом, здесь есть над чем подумать. Проводимые переговоры нас пока не касаются. Там обсуждалось до сих пор главным образом оружие средней дальности. Если вслед за вами мы стали бы называть свой арсенал оружием средней дальности (для нас, повторяю, наше оружие – стратегическое), то в таком бы случае по той схеме, которую вы предлагаете, нам пришлось бы ограничить наши вооружения. Но так как в действительности наш потенциал носит стратегический характер, сложилось бы такое положение, при котором Советский Союз и США могли бы совершенствовать и наращивать стратегические силы, а мы, французы, были бы лишены такой возможности. Разумеется, это для нас неприемлемо. Следовательно, если вы ограничиваете

обсуждение одними лишь силами средней дальности, трудно надеяться на достижение договоренности.

Давайте посмотрим, что получится, если я стану рассуждать, используя ту же логическую схему, что и вы. Вы говорите, что люди будут недоумевать в случае, если даже после оформления соответствующей советско-американской договоренности Франция не перестанет вооружаться. Это, по-видимому, правильная постановка вопроса. В то же время, если вы будете продолжать вооружаться за счет добавления и совершенствования самых разнообразных стратегических сил и средств, как же можно тогда всерьез рассчитывать, что мы, французы, остановимся и будем сидеть сложа руки.

Но если вам удастся договориться с американцами о каком-то всеобъемлющем соглашении, включая и стратегические силы, то я, естественно, уже не смогу пренебрегать вашими аргументами. И тогда можно допустить, что Франция в какой-то момент начнет сокращать свои вооружения.

Возвращаясь к мысли, которую Вы изложили ранее, скажу прямо: нас в какой-то степени шокирует такой возможный вариант, когда вы будете продолжать увеличение вооружений, а мы в свою очередь не сможем этого сделать.

Думаю, Вам понятно: если Вы будете ограничивать обсуждение только вопросами оружия средней дальности, мне легко будет Ваши же аргументы обратить против Вас самого.

В силу сравнительно небольшого расстояния между СССР и Францией главное заключается в том, чтобы быть вне досягаемости оружия, причем совершенно безразлично, о каком оружии идет речь – средней дальности или стратегическом. Судите сами: если военные и другие объекты Франции могут быть сметены за какие-то 15 минут, то так ли уж важна разница – каким оружием будут разрушены наши города. Ведь так или иначе погибнет все живое. Образно говоря, если бы я находился на смертном одре и готовился

выпустить дух, мне было бы безразлично знать, от чего я умираю – от холеры или от гриппа.

Итак, резюмирую. Если бы был достигнут прогресс на глобальных советско-американских переговорах, Франция не преминула бы тогда сделать из этого необходимые логические выводы. И, напротив, если разговор идет только о силах средней дальности, с какой стати Франция стала бы оголять свои позиции, в то время как другие государства продолжали бы наращивать свои вооружения.

Разумеется, эти мои соображения носят довольно конфиденциальный характер. По понятным причинам мне не хотелось бы, чтобы в результате наших бесед у кого-то могло возникнуть впечатление об изменениях в позиции Франции по общим вопросам разоружения. Мне самому необходимо время для того, чтобы разработать необходимые обоснования. В целом считаю, что Ваше предложение честное. Что касается Франции, то она не намерена делать ничего такого, что осложняло бы положение в мире.

ГОРБАЧЕВ. Нам тоже хотелось бы, чтобы советская политика в отношении Западной Европы, – а это честная политика, – была правильно понята всеми заинтересованными лицами.

Думаю, всем понятно, что европейские дела не удастся поправить в лучшую сторону до тех пор, пока в отношениях между государствами будут отсутствовать элементы доверия. Исходя из этих соображений, мы подали соответствующий сигнал, выдвинув план сокращения ядерных вооруженных сил и обычных вооружений. Мы хотели бы надеяться, что в результате осуществления предлагаемого нами сокращения ядерных вооруженных сил и обычных вооружений будут сняты опасения, что кто-то, воспользовавшись ликвидацией ядерных арсеналов на континенте, использует свое преимущество по этим вооружениям в своих целях. Мы действительно стремимся изменить к лучшему положение дел и в этом вопросе.

МИТТЕРАН. Конечно, сейчас трудно прогнозировать, как пойдут переговоры по этому вопросу. Что касается Франции, то она согласна с необходимостью их проведения. План сокращения обычных вооружений, выдвинутый советской стороной, – это, безусловно, важный шаг.

ГОРБАЧЕВ. Это еще не все. Мы намерены дополнить его конкретными соображениями. То, что сейчас предпринимается в Стокгольме, по сути дела, является подготовкой к этому. Упомянув о Стокгольме, не могу не подчеркнуть, что идея созыва там конференции была нашим общим с Францией детищем.

МИТТЕРАН. Мы готовы продолжать сотрудничать с Советским Союзом на Стокгольмской конференции.

ГОРБАЧЕВ. Это, конечно, было бы полезно. Впрочем, можно сказать, что уже сейчас наши делегации поддерживают там хороший деловой контакт.

Несколько слов в связи с Вашими свежими впечатлениями о позиции США по переговорам с Советским Союзом. Вы говорили, что американцы пытаются рисовать такую картину: Советский Союз, дескать, во многих отношениях обогнал США, и поэтому США просто некуда деваться, ничего не остается делать, как наверстывать упущенное. Позвольте заметить Вам, что эти аргументы стары, как мир.

Мы досконально и всесторонне изучили процессы, происходящие в США, и хорошо понимаем, как работает у американцев соответствующий механизм. Давно подмечено: как только перед Конгрессом и перед Президентом встает вопрос об увеличении военного бюджета, о новых ассигнованиях на военные программы, тут как тут появляются заявления насчет того, что Советский Союз обошел США. Поэтому необходимо, дескать, как можно быстрее преодолеть отставание, и нужны новые средства на финансирование новых вооружений. Это повторяется каждый раз – почти автоматически.

МИТТЕРАН. Но ведь у американской и у советской сторон есть эксперты, наблюдатели, короче говоря, все эти вопросы должны находить

объяснение в ходе советско-американских контактов. А когда мне показывают фотографии, знакомят с цифрами, я по сути дела не имею возможности вынести квалифицированное суждение. Единственное, что мне известно, так это то, что Советский Союз развертывает вокруг Москвы систему противоракетной обороны.

ГОРБАЧЕВ. Если Вы проанализируете ежегодные доклады Комитета начальников штабов США, Вы найдете в них положения, из которых вытекает, что Советский Союз соблюдает заключенные соглашения. Поэтому рассуждения о том, что Советский Союз вырвался вперед, – это чистейшей воды выдумка. Я повторяю: таковы оценки, содержащиеся в официальных документах официального военного органа. А возьмите материалы Лондонского института стратегических исследований, который регулярно представляет необходимую информацию английскому руководству. В них тоже сплошь и рядом говорится, что Советский Союз выполняет подписанные соглашения.

Но это все игнорируется, и перед тем, как в Конгрессе США начинаются дебаты: выделять или не выделять новые кредиты, ЦРУ, Кейси (*Кейси, Уильям – в 1981-1987 годах Директор ЦРУ*) подбрасывают Президенту и конгрессменам так называемые разведданные. Ссылаясь на эти, с позволения сказать, данные, Президент, конечно, доказывает свою правоту и добивается увеличения военных кредитов. Но после того как дело сделано, деньги получены, появляются публичные коррективы: так, мол, и так, в наших материалах имели место некоторые преувеличения. Вот так действует отработанный механизм надувательства американского народа и мировой общественности. Это, во-первых.

Во-вторых. Американцы создают новый тип оружия, принятие которого на вооружение означало бы нарушение действующих договоренностей. Тут же развертывается шумная кампания по обвинению русских в нарушении этих договоренностей, что, мол, позволило Советскому Союзу вырваться вперед в

гонке вооружений. Под шум такой кампании реализуются очередные военные планы. Так что и эта часть механизма хорошо отработана.

МИТТЕРАН. Я уже говорил о тех доводах, которые американцы обычно приводят. Что касается меня, то я не склонен автоматически принимать на веру их аргументы. Опять возвращаюсь к мысли о том, что нужна соответствующая работа по линии экспертов.

ГОРБАЧЕВ. Возьмем конкретный пример с Договором ОСВ-2. Было условлено, что сверх уровня, установленного Договором, каждая сторона сможет дополнительно создать по одной ракете. Как известно, американцы создали ракету МХ. Советский Союз создал свою ракету. Теперь у американцев на подходе вторая ракета («Миджитмен»), которая уже вступает в противоречие с Договором ОСВ-2. Ну и что мы видим? Президент США, видимо, под воздействием групп давления, чтобы открыть дорогу второй американской ракете (вчера мы говорили о двух тезисах, которыми при этом оперируют), объявляет Договор ОСВ-2 «мертвым».

Понятно – это в первую очередь наша забота. Но это также и ваша забота, если, конечно, по-настоящему стремиться к прекращению гонки вооружений, исходить из необходимости взаимодействовать на основе реальных оценок, а не ограничиваться обменом любезностями. Любезности мало чего значат в политике. Главное – это реализм, интересы сторон.

МИТТЕРАН. Хотел бы коснуться еще двух вопросов, которые считаю нецелесообразным выносить на пленарное заседание.

Прежде всего несколько слов об отношениях между Францией и ФРГ. В настоящее время как в ФРГ, так и во Франции кипит полемика вокруг вопроса о том, следует ли обеспечивать прикрытие Западной Германии французским ядерным оружием. В свое время с этим выступил в бундестаге бывший канцлер Шмидт. Таковы же некоторые тезисы нынешнего парламентского большинства во Франции.

Что можно сказать по этому поводу? ФРГ является нашим союзником. Обсуждать с ФРГ вопросы обычных вооружений и их размещение на

западногерманской территории – почему бы нет? Иметь в Западной Германии французские «силы быстрых действий» – почему бы нет? Совместно обучать офицеров обеих армий – почему бы нет? Информировать Западную Германию о ядерной угрозе? Впрочем, это, я думаю, выглядит искусственно, учитывая дефицит времени в случае, если действительно будет принято решение о ядерном нападении.

Однако есть во всем этом два важных вопроса, в отношении которых Советскому правительству надо знать мнение Франции. Во-первых, не может быть и речи о том, чтобы передать, пусть даже косвенно, французские войска и вооружения в Западной Германии в распоряжение объединенного военного командования НАТО.

Во-вторых, не может быть и речи о подключении военных штабов ФРГ к участию в принятии решений, относящихся к ядерному оружию Франции. Франция не намерена вносить какие-либо изменения в свою стратегию ядерного сдерживания. Что касается определения в рамках этой стратегии задач обороны Франции, ничего принципиально нового тут нет.

Вы знаете, конечно, что во Франции есть понятие жизненно важных интересов, обеспечение которых зависит от решений, принимаемых в случае необходимости главой государства. Это выражение впервые было использовано генералом де Голлем. Я, честно говоря, не берусь сейчас давать ему более точное определение. Могу лишь подчеркнуть, что совокупность всех стратегических проблем, возникающих в этой области, военная доктрина Франции в целом не претерпевает никаких изменений. Я говорю об этом, поскольку, возможно, кое у кого складывается иное впечатление.

Справедливости ради стоит заметить, что сам канцлер Коль не обращался ко мне ни по первому, ни по второму из упоминавшихся мною вопросов. В данном случае речь идет о наблюдающейся в военных штабах ФРГ тенденции к тому, чтобы добиваться от Франции интеграции ее сил и вооружений в военную систему НАТО. Не буду скрывать, что есть такая тенденция и во Франции. Впрочем, я уже говорил Вам, как я реагировал на

это. Обращение к нам в этом плане исходило от некоторых западногерманских политических деятелей, в том числе от бывшего канцлера Шмидта. Но нынешний канцлер Коль с такой просьбой, повторяю, не обращался. К тому же даже если бы он меня специально просил пойти ФРГ навстречу в этих вопросах (автоматическое прикрытие ФРГ ядерным оружием Франции, подключение западногерманских военных штабов к решениям Франции, касающимся ее ядерного оружия), я бы все равно сказал «нет».

ГОРБАЧЕВ. Это, вне всякого сомнения, очень важное пояснение с Вашей стороны.

МИТТЕРАН. Конечно, я не могу утверждать, что этот вопрос так или иначе не будет обсуждаться в парламенте и общественном мнении во Франции. Но Вы можете быть уверены в том, что до тех пор, пока я остаюсь Президентом, военная доктрина Франции, как она сформулирована в настоящее время, не изменится.

Несколько слов о Чернобыле. Вы, должно быть, заметили, что французские власти проявили крайнюю осмотрительность в этом вопросе и воздержались от того, чтобы пускаться в словесную войну против Советского Союза.

ГОРБАЧЕВ. Мы заметили не только это. Там, где это требовалось, мы получили необходимую помощь со стороны Франции. Пользуясь тем, что Вы упомянули о Чернобыле, хотел бы поблагодарить лично Вас, а в Вашем лице и французский народ за проявленное сочувствие и оказанную реальную помощь.

МИТТЕРАН. Мы готовы, в случае необходимости, оказать любую другую возможную помощь Советскому Союзу. Убеждены, что, если бы подобная авария произошла во Франции, Советский Союз поступил бы аналогичным образом. Возможность аварий никогда нельзя исключать. Недальновидно поступают те, кто полагает, что аварии и жертвы являются уделом кого угодно, только не их самих.

Итак, сегодня мы обсудили широкий круг вопросов. Возможно, на пленарном заседании мы еще поговорим о европейских делах, в частности о Стокгольме и Вене.

ГОРБАЧЕВ. Может быть, на заседании в расширенном составе мы бы коснулись также региональных проблем. И, конечно, у нас была бы возможность обсудить другие вопросы во время обеда в узком составе.

МИТТЕРАН. Пока мы беседуем наедине, хотел бы затронуть еще один вопрос. Не могли бы мы рассчитывать на то, что Вы с симпатией отнесетесь к инициативе Франции о проведении в Париже в 1992 году летних (только летних!) Олимпийских игр? Я не прошу у Вас ответа сейчас, я просто ставлю вопрос. Мне известно, что мой друг Гонсалес – тоже заинтересованное лицо в этом деле. Я его очень люблю, но, право же, хотелось бы, чтобы Игры прошли в Париже.

ГОРБАЧЕВ. Ну что же, мы Вам сочувствуем. Мне кажется, не может быть каких-либо принципиальных возражений против Франции, Парижа. Признаюсь, однако, что для меня это в какой-то степени новый вопрос, и я над ним не думал.

МИТТЕРАН. Вы посмотрите и решите.

ГОРБАЧЕВ. Не связана ли инициатива Франции с приближающейся круглой датой с момента возобновления Олимпийского движения благодаря стараниям вашего соотечественника Кубертена?

МИТТЕРАН. Нами учитывалось и то обстоятельство, что касается Испании, то она может спокойно подождать до тех пор, пока испанцы не придумают в этом отношении чего-нибудь оригинального.

ГОРБАЧЕВ. Перед тем, как мы расстанемся, хотел бы несколько слов сказать о Чернобыле. Вот уж поистине верно говорят: лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. Реальность, с которой мы столкнулись после того, как атом вышел из-под контроля, побудила нас к раздумьям, к углубленному анализу вопросов ядерной энергетики и ядерных вооружений. Советский Союз – огромная страна, но с какими же трудностями нам пришлось

столкнуться, для того чтобы ограничить последствия аварии только на одном реакторе! В доверительном плане могу Вам сообщить, что одни только прямые убытки от аварии составили два миллиарда рублей. А ведь есть еще и косвенные убытки. Выведена из строя огромная по площади территория, находящиеся там промышленные предприятия закрыты, целые города, правда, с небольшим по нашим меркам населением (несколько тысяч человек) пришлось эвакуировать, население переселять в другие места. И это далеко не полный перечень. В настоящее время правительственная комиссия закончила работу и представила свой доклад. Мы определимся после серьезного его изучения. Естественно, что результаты и выводы будут доведены до сведения советского народа и мировой общественности. Повторяю, мы готовы сотрудничать с Францией в вопросах более надежной работы предприятий ядерной энергетики. Для нас не возникает вопроса о том, что в результате подобной аварии необходимо сворачивать пользование ядерной энергией в мирных целях.

МИТТЕРАН. Мне тоже кажутся неумными такие требования.

Позвольте в заключение поблагодарить Вас за эту обстоятельную и деловую беседу.

ГОРБАЧЕВ. Я также удовлетворен состоявшимся между нами разговором, который проходил в характерной для наших контактов конструктивной атмосфере.